Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красный Север

Орган Вологодского Горкома ВКП(б), Горсовета и ГСПС

№ 20 (5285) | 26 января 1937 г., вторник | ЦЕНА 15 КОП.

УНИЧТОЖИТЬ ТРОЦКИСТСКУЮ БАНДУ УБИЙЦ!

На скамье подсудимых, перед лицом Военной Коллегии Верховного Суда, сидит пойманная с поличным шпионская диверсионно-вредительская и террористическая банда убийц. Чудовищны преступления бандитов Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и других изменников родины, агентов германского и японского фашизма.

Под водительством верного пса германского фашизма, атамана и головореза Троцкого эта кровавая банда творила мерзкие преступления. Она не гнушалась выводить из строя социалистические предприятия, травить и убивать рабочих, пускать под откос воинские поезда. По прямому указанию Иудушки Троцкого, бандиты разработали кровавый план убийства любимого вождя народа товарища Сталина и его ближайших соратников.

Кровавая деятельность «параллельного центра» сводилась к одному —при помощи германского и японского фашизма насильственно свергнуть советское правительство, заменить социалистический строй строем капиталистическим. И за услуги, в случае успеха, агент Гестапо Троцкий и его сообщники, подлые изменники родине из параллельного центра, запродали фашистской Германии советскую социалистическую Украину, а Японии — советское Приморье и Приамурье—сахалинскую нефть и золото.

Но... просчиталась презренная контрреволюционная сволочь. Верный страх страны социализма—органы НКВД — во время остановили обнаглевшую кровавую лапу разбойников, занесенную против советского государства, против советского народа и его любимых вождей—руководителей партии и правительства.

Гнусные, кровавые действия и замыслы Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрянова и других, направленные против советского строя, вызвали у трудящихся Советского Союза чувства величайшего негодования.

Во всех письмах и резолюциях, поступающих в редакцию десятками, трудящиеся гор. Вологды вместе со всем советским народом шлют проклятье изменникам, подлым шпионам—диверсантам — вредителям—террористам троцкистской банды разбойников. Требования трудящихся ясно — уничтожить троцкистскую банду.

Грозно прозвучал голос рабочих паровозо-вагоноремонтного завода на митинге 24 января. Каждый выступивший рабочий требовал от пролетарского правосудия уничтожить фашистских зверей.

Выражая волю могучего советского народа в своей передовой статье от 24 января «Правда» пишет:

«За измену родине, за неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, за циничные убийства рабочих и красноармейцев, за организацию террористических актов против руководителей партии и правительства, за шпионаж и диверсии, за беспримерные в истории вероломство и подлость — Военная Коллегия Верховного Суда СССР, расстрел до конца клубок преступлений троцкистского «параллельного центра» вынесет его участникам заслуженный приговор».

Третья сессия ВЦИК

23 января в Кремле, в клубе имени Свердлова, проходила III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XVI созыва.

С докладом о государственном бюджете РСФСР на 1937 год и об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1935 год выступила народный комиссар финансов РСФСР тов. В. Н. Яковлева.

Государственный бюджет РСФСР за 1935 год выполнен с превышением доходов над расходами на сумму свыше 40 миллионов рублей. По средствам, передаваемым в местные бюджеты, перевыполнение составляло 26 миллионов рублей.

Касаясь предварительных итогов исполнения государственного бюджета РСФСР на 1936 год, докладчик отметил, что в истекшем стахановском году как в государственном, так и в местных бюджетах республики перевыполнены доходные поступления от хозяйственных органов как республиканского, так и местного значения, в особенности значительны поступления от местной промышленности.

Большая часть доклада тов. Яковлевой была посвящена государственному бюджету РСФСР на 1937 год. Республиканский бюджет намечен в сумме свыше 13 миллиардов. Расходная часть республиканского бюджета составляет 3 с лишним миллиарда, из них больше 2 миллиардов на социально-культурные мероприятия — просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение. Свыше 10 миллиардов республиканского дохода передается в бюджеты автономных республик и местных исполнительных комитетов.

Бюджет автономных республик и местных исполкомов на 1937 год равен почти 15 миллиардам рублей.

Запроектирован рост валовой продукции республиканской промышленности на 27,9 проц., местной—на 20,4 проц.

Намечается значительный прирост ассигнований на сельское хозяйство —на расширение ветеринарной и зоотехнической сети.

Значительно вырастают расходы на коммунальное и жилищное хозяйство, на благоустройство городских и районных центров.

На общего прироста расходов на просвещение по государственному и местному бюджетам РСФСР на сумму свыше полутора миллиардов, на школу и подготовку педагогических кадров уделяется свыше двух третей. Расходы на ликвидацию неграмотности и малограмотности взрослых и подростков увеличиваются в 2 с пол. раза. На 27 проц. возрастают расходы на детские дома и на 34,7 проц.—на библиотеки. Расходы на здравоохранение особо возрастают по местному бюджету — на 30 проц. Также значительно увеличиваются расходы на суд и прокуратуру.

После доклада тов. Яковлевой с содокладом бюджетной комиссии ВЦИК выступил тов. М. И. Рогов, который отметил те дополнения и изменения, которые бюджетная комиссия внесла в финансовый план 1937 года.

Затем сессия перешла к прениям. На утреннем заседании выступили: тт. Булашев (Башкирия), Варегова (Горьковская область), Болдырев (Москва), Лебедь (зам. председателя СНК РСФСР) и Иванов (Калининская область). Ораторы говорили о росте бюджетов национальных республик, краев и областей. Например, бюджет Башкирии составлял к началу первой пятилетки всего 22 миллиона рублей, в 1937 году увеличился до 292 миллионов.

Тов. Лебедь в своем выступлении указал что промышленность стройматериалов, кожевенно-обувная, фарфоро-фаянсовая и стекольная работали плохо и не использовали всех имеющихся ресурсов.

В конце утреннего заседания сессию ВЦИК приветствовала делегация Кара-Калпакской АССР.

★

На вечернем заседании в прениях по докладу о бюджете выступили: тт. Нюрина (прокуратура РСФСР), Полбицин (Куйбышевская область), Козиков (Мордовия), Старцев (Западная Сибирь), Абрамов (Татария), Долгов (зам. наркомфина РСФСР).

С приветствием выступила делегация уральских рабочих.

Тов. М. И. Рогов внес предложения об утверждении отчета об исполнении государственного бюджета РСФСР за 1935 год и государственного бюджета на 1937 год. Оба предложения приняты единогласно.

Заслушав доклад тов. А. С. Киселева, сессия утвердила узаконения и постановления, а также изменения и дополнения кодексов, принятые Президиумом ВЦИК в период между сессиями ВЦИК. На этом третья сессия ВЦИК XVI созыва закончила свою работу.

Закрывая сессию, тов. М. И. Калинин сказал:

— Какая задача стоит перед нами, излишне вам доказывать. Это —выполнить весь бюджет полностью и полностью все строительство.

Я думаю, что наша республика не может быть позади других союзных республик. Такое у меня есть желание, чтобы она была впереди. Я думаю, что такое же желание и у всех членов ВЦИК. Разрешите на этом закрыть третью сессию ВЦИК XVI созыва,—закончил тов. Калинин под бурные аплодисменты.

В горкоме ВКП(б)

На основании решения Обкома ВКП(б) от 23 января с. г. бюро Вологодского горкома постановило срок созыва XIII Вологодской городской партийной конференции перенести с 3 на 13 февраля.

Сегодня, в 6 часов вечера, в зале заседаний ГК ВКП(б) созывается

ОБЩЕГОРОДСКОЕ СОБРАНИЕ КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА

Секретарям комсомольских организаций пригласительные билеты получить в горкоме ВЛКСМ у тов. Меньшикова.

Горком ВЛКСМ.

На снимке: отряд кавалерии правительственных войск на мадридском фронте.

(Снимок „Сфэр").

На фронтах в Испании

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОБСТРЕЛ МАДРИДА

ПАРИЖ 24 января. Во вчерашнем вечернем сообщении комитета обороны Мадрида говорится, что артиллерия мятежников бомбардировала центральные пункты столицы. Точная стрельба правительственных батарей заставила артиллерию мятежников замолчать.

ПАРИЖ, 24 января. По сообщению мадридского корреспондента Гавас, в результате вчерашней бомбардировки Мадрида пять человек убиты и 37 ранены. Материальные убытки велики.

ЛОНДОН, 24 января. По сообщениям печати, вчерашний артиллерийский обстрел Мадрида был сильнейшим со времени осады. Обстрел пригородов продолжался несколько часов.

Больше всего пострадал рабочий район Вальекас. Сильно повреждено здание телефонной станции, где ранено 20 человек.

Связь Мадрида с внешним миром была прервана на полчаса. Республиканские войска отразили сильную атаку мятежников в южном секторе мадридского фронта. В секторах Монклоа и Западного парка республиканцы также дали отпор атакам мятежников и улучшили свои позиции путем контратаки

НА БИСКАЙСКОМ И АСТУРИЙСКОМ ФРОНТАХ

БИЛЬБАО, 23 января. Сегодня на бискайском фронте на участке Амуррио (южнее Бильбао) была слышна ружейная и пулеметная стрельба в лагере мятежников. Полагают, что среди солдат фашистского гарнизона вспыхнуло восстание.

Перешедший на сторону республиканцев командир из отряда «репетистов» (организация монархической молодежи) заявил, что в провинции Наварра за последний месяц мятежники расстреляли свыше 13.000 человек по обвинению в нелояльном отношении к режиму Франко.

На астурийском фронте республиканская артиллерия обстреливала Овиедо. Снаряды разрывались в пунктах скопления крупных сил мятежников. От артиллерийского огня возникло много пожаров. Военный губернатор мятежников в провинции Гипуэскоа запретил обсуждать военные действия, а также комментировать или критиковать решения, принятые властями мятежников.

—★—

ПОМОЩЬ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ

ЛОНДОН, 23 января. По сообщению Рейтер, 6 английских самолетов с грузом продовольствия, одежды и медикаментов вылетели в Мадрид. Самолеты куплены на средства, собранные профсоюзами и частными лицами.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ РОЛЬ ШВЕЙЦАРСКИХ ФАШИСТОВ

ВЕНА, 22 января. Орган швейцарской компартии «Фрейхейт», разоблачая предательскую деятельность швейцарских троцкистов по отношению к испанскому народу, сообщает, что швейцарские троцкисты—супруги Тальман—совершили поездку в Барселону и по возвращении оттуда выступили в социал-демократической швейцарской газете «Фольксрехт» с клеветнической статьей против испанских народа, правительства и компартии. В этой статье троцкистка Тальман договаривается до неслыханной наглости, утверждая, что испанское правительство будто бы сознательно создает в Каталонии продовольственные трудности.

Газета «Фрейхейт» подчеркивает, что, как утверждают все приезжающие из Барселоны лица, несмотря на трудности гражданской войны в Испании, не может быть и речи об остром недостатке продуктов в Барселоне.

Взрывы бомб в Лиссабоне

ЛОНДОН, 22 января. По сообщениям из Лиссабона, вечером 20 января и утром 21 произошли взрывы бомб в здании, где помещается консульство «правительства» Франко (причинены повреждения, жертв нет), в радиоклубе, в национальной радиостанции, находящейся в окрестностях Лиссабона и передающей сообщения испанских мятежников (она повреждена), в пригороде Алькантар—близ склада нефти (повреждений нет), в помещении военного министерства близ кабинета министра (ранено 5 человек, разрушена лестница между первым и вторым этажами) и в здании министерства просвещения, где в момент взрыва заседал «национальный антикоммунистический легион». Министр просвещения едва спасся. Разрушены два этажа, водопровод и система электрического освещения. В связи со взрывами арестовано около 60 человек. Вчера телефонная связь Португалии с заграницей была по распоряжению португальского правительства прервана. Установлена строжайшая цензура. Войска и полиция заняли все стратегические пункты Лиссабона.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Утреннее заседание 23 января

Допрос подсудимого Пятакова

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?

Пятаков: С 1931 года—это последний период, не считая 1926—1927 гг.

Вышинский: В чем выразилась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов.

В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что он—Смирнов—имел свидание в Берлине с сыном Троцкого—Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям советской власти.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Иван Никитич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который судился?

Пятаков: Да, тот самый, который впоследствии входил в об'единенный зиновьевско - троцкистский центр. В одну из встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов.

Я согласился на эту встречу. При встрече Седов мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца—Л. Д. Троцкого. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье, которое об'яснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность.

Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и с ними надо установить необходимую связь.

После этого Седов мне задал прямо вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие.

Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения, не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства—бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или вернее международственных вопросов.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказывали кому-нибудь из своих сообщников?

Пятаков: Да, я говорил Владимиру Логинову, который был управляющим треста «Кокс», Биткеру, который работал в Берлине, Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для угольной промышленности, моему секретарю, который являлся доверенным мне человеком—Москалеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали показания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Передавая вам о своей беседе с Седовым, Пятаков солидаризировался с Седовым или же он излагал эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно солидаризировался.

Вышинский: (снова обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Седовым, вы придавали ей характер простой передачи или при этом высказывали и свое отношение?

Пятаков: И с Шестовым, и с Владимиром Логиновым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем об'яснить, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и советского правительства?

Пятаков: У меня остались старые троцкистские пережитки, которые в дальнейшем все больше и больше разрастались.

Пятаков на вопрос тов. Вышинского показывает далее, что вскоре после первой встречи он имел второе свидание с Седовым. Как и первое свидание, это свидание было устроено Н. Н. Смирновым. Во время этого свидания Седов поставил перед Пятаковым вопрос о деньгах для контрреволюционной работы.

— Седов сказал, — показывает подсудимый Пятаков,—что от меня требуется только одно: чтобы я как можно больше заказов выдал двум немецким фирмам—«Борзиг» и «Дёмаг», а он—Седов—сговорится, как от них получить необходимые суммы, принимая во внимание, что я не буду особенно нажимать на цены. Если это дело расшифровать, то ясно было, что накидки на цены на советские заказы, которые будут делаться, перейдут полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей.

Вышинский: Вы и сделали, как советовал Седов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, в чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более, что я располагал очень большими возможностями, и достаточно большое количество заказов перешло к этим фирмам.

Как выясняется из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту вторую встречу с Седовым для уточнения некоторых вопросов.

Вышинский: Через Шестова вы получали что-нибудь от Седова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, зашел ко мне в ВСНХ, в служебный кабинет, и передал письмо.

Вышинский: Шестов явился к вам по служебному делу?

Пятаков: Он явился, чтобы передать письмо Троцкого и поговорить еще раз о развертывании троцкистской работы в Кузбассе.

Вышинский: (обращаясь к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 года.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Седова в Берлине.

Вышинский: Что же вам Седов сказал?

Шестов: Он просто передал мне тогда не письма, а, как мы тогда условились, пару ботинок.

Вышинский: Значит, вы получили не письма, а ботинки?

Шестов: Да. Но я знал, что там были письма. В каждом ботинке было заделано по письму. И он сказал, что на конвертах писем есть пометки, на одном стояла буква «П»—это значило, для Пятакова, а на другом стояла буква «М»—это значило, для Муралова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «П».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо с пометкой «М» я передал Муралову.

Вышинский: Подсудимый Муралов, вы получили письмо?

Муралов: Получил.

Вышинский: С ботинком или без ботинка? (В зале смех).

Муралов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муралов: Буква «М».

Пятаков: Я получил письмо, которое выглядело так, как сейчас передавал Шестов, и, вскрыв его, крайне удивился: я ожидал записки от Седова, но оказалось, что в конверте записка не от Седова, а от Троцкого, и письмо было написано по немецки и подписано «Л. Т.».

Вышинский: Значит, письмо вы получили от Троцкого через Седова и через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский: (обращаясь к Пятакову): Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, я очень рад, что вы последовали моим требованиям»... Дальше говорилось, что стоят коренные задачи, которые он коротко сформулировал. Первая задача—это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. Понятно, что «всеми средствами» надо было понимать, в первую очередь, насильственными средствами. Во-вторых, в этой же записке Троцкий писал о необходимости об'единения всех антисталинских сил для этой борьбы. В-третьих,—о необходимости противодействовать всем мероприятиям советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года. И тогда же я встретился в третий раз с Седовым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между получением вами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривал с Логиновым в Берлине, мы с ним уговорились относительно организации украинского троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной связью, если не считать впоследствии очень существенной моей связи, которая началась через Шестова с Западной Сибирью и с Н. Н. Муравьевым.

Прежде всего мы восстановили украинские связи. Это—Логинов, Голубенко, Кецюбинский и Лившиц, обвиняемый по данному делу. Мы уговорились сначала с Логиновым, а впоследствии с остальными, относительно того, что они образуют украинскую четверку.

Вышинский: С кем из них вы говорили об этом?

Пятаков: Со всеми четырьмя.

Вышинский: И в том числе с Лившицем?

Пятаков: Да.

Вышинский: Где Лившиц тогда работал?

Пятаков: На Украине, начальником дороги. Мы с ним давно были связаны по контрреволюционной троцкистской работе.

Вышинский: По какому поводу в 1931 году начальник дороги появляется у вас, у заместителя председателя ВСНХ? Был к этому какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он пришел, желая непосредственно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинов. Я изложил ему свою встречу с Седовым и передал о директивах Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова о вашей встрече с ним?

Лившиц: Да, подтверждаю. Я пришел в ВСНХ проверить правильность переданных Логиновым от Пятакова директив. Пятаков мне рассказал то же, что и Логинов: что методы борьбы, которые проводились нами раньше, не дали никакого эффекта, что нужно итти на новые методы борьбы, т.-е. на террор и на разрушительную работу.

Вышинский (к Пятакову): Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седов узнал о моем приезде в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Я рассказал о работе троцкистов на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. Н. Муравьевым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Седов выразил крайнюю степень неудовольствия, не своего, как он сказал, а неудовольствия Троцкого. Тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, занимаетесь все организационной подготовкой и разговорами, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал далее: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением чтобы его директивы поскорее были превращены в действительность, а из вашего сообщения ничего конкретного не видно».

Вышинский: Долго вы пробыли во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора—два. Осенью этого же года я вернулся в Москву, и здесь произошла очень существенная, с точки зрения образования запасного, в дальнейшем параллельного троцкистского центра, моя встреча с Каменевым.

Каменев пришел ко мне в наркомат под каким-то предлогом. Он очень четко и ясно сообщил мне об образовавшемся троцкистско-зиновьевском центре. Как сказал Каменев, желательно иметь на случай провала основного центра запасный троцкистско-зиновьевский центр. Он был уполномочен официально запросить меня, согласен ли я на вхождение в этот центр.

Вышинский: Запасный, как он выразился?

Пятаков: Запасный. Я дал свое согласие Каменеву на вступление в запасный центр. Это было осенью 1932 года. В порядке информации Каменев сказал, что у них установлена теснейшая связь, не просто контакт, а связь с правыми: с Бухариным, Томским, Рыковым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Леонидович, в очень хороших отношениях с Бухариным, не мешает, чтобы и вы с ним поддерживали соответствующий контакт». Это имело в дальнейшем и делалось.

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариным установили?

Пятаков: Да. На мой вопрос: «Собственно говоря, как же это мы устанавливаем связь с правыми?», —Каменев прямо сказал, что это вообще говоря, с моей стороны проявление известного ребячества в политике, что вчерашние разногласия нас не могут раз'единить, так как имеется единство цели: свержение Сталинского руководства и отказ от построения социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменев сказал и по поводу «межгосударственных отношений», что без необходимого контакта с правительствами капиталистических государств нам к власти не притти, и этот контакт надо поэтому поддерживать. Что касается деталей, то он сказал, что я, Пятаков, не «международник», и тут Радек и Сокольников больше поставлены об этом в известность.

Вышинский: Что значит, вы не международник?

Пятаков: В троцкистских кругах я больше считался специалистом-хозяйственником, а не по международным вопросам.

Вышинский: Кто же считался международником?

Пятаков: Я уже сказал: Радек и Сокольников.

Вышинский: О чем вы с ними договаривались в 1932 году?

Пятаков: В 1932 году мы имели разговор с Радеком. Он тогда сказал, что надо проводить методы борьбы, которые приняты Троцким и основным об'единенным троцкистско-зиновьевским центром.

У нас явилась мысль, чтобы, наряду с основным центром в составе Каменева, Зиновьева, Мрачковского, Бакаева, Смирнова, Евдокимова и других, иметь наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директив и установок Троцкого. Правда, особенного различия в установках между нами и зиновьевцами к тому времени уже не было. Но тогда Радек и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после захвата нами власти зиновьевская часть блока пойдет слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились запросить об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мною Радек сообщил мне, что ответ от Троцкого им получен, что Троцкий ультимативно ставит вопрос о сохранении полного единства и блока с зиновьевцами, так как никаких расхождений у нас с ними нет, поскольку террористическо - вредительская платформа принята. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Радек и я ошибаемся, думая, что отступление будет незначительным,—отступать придется очень далеко, и в этом отношении обоснован блок не только с зиновьевцами, но и с правыми. Что же касается превращения нашего центра в параллельный, то он сказал, что это будет усиливать собирание сил и подготовку необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Гаграх я имел встречу с Серебряковым. Тогда мы с ним уговорились, что я, в основном, веду работу по Украине и Западной Сибири и в промышленности, он берет Закавказье и транспорт.

Продолжение на 3 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Перенос со 2 стр.

С Сокольниковым я имел встречу значительно позже—в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения запасного или параллельного центра в центр действующий, поскольку к этому времени уже произошел разгром основного центра, члены которого все были арестованы и осуждены. Сокольников зашел ко мне в Наркомтяжпром и сказал, что пора начать действовать, так как после арестов было некоторое затишье.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что с 1933 года уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Потому-то он и параллельный, что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Радек, что вы можете сказать по этой части показаний Пятакова?

Радек: Я подтверждаю их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы запросить Троцкого о «параллельном центре»?

Радек: Да. Мы этот вопрос рассматривали и с точки зрения личного состава основного центра и с точки зрения нашего политического недоверия к зиновьевской части, несмотря на то, что между нами был блок.

Вышинский: Как же это понимать?

Радек: Мы пришли к убеждению, что блок этот вряд ли сможет выдержать какое-нибудь серьезное испытание. Одной из первых забот Зиновьева будет отторгать троцкистов: личные моменты будут играть большую роль. Каменев и Сокольников пойдут значительно дальше в экономическом отступлении, которое мы считали необходимым, а Зиновьев будет в полной панике. Надо, сохраняя внешность блока, иметь, как противовес, собственную организацию.

Вышинский: Чтобы держать в руках троцкистско-зиновьевский центр?

Радек: Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических руководителей. Были —Смирнов, который являлся больше организатором, чем политическим руководителем, Мрачковский — солдат и боевик, и Тер-Ваганян—пропагандист. Мы имели к ним полное личное доверие, но не считали их способными, в случае чего, действительно руководить. Мы считали, что раз этот центр уже создан, то всякие изменения в центре вызовут разногласия с зиновьевцами, и поэтому идею запасного центра мы пытались применить в виде параллельного центра. Мы решили послать запрос Троцкому.

Вышинский: Кто писал Троцкому?

Радек: Писал письмо я.

Вышинский: Как вы передали это письмо?

Радек: Связь была установлена мною через Владимира Ромма, моего старого приятеля, бывшего тогда корреспондентом ТАСС за границей. Ответ я тоже получил через Ромма. Письма я немедленно сжигал, но Пятакову известны все подробности о ходе информации Троцкого.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете показания Пятакова в этой части?

Радек: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Что вы можете сказать о той части показаний Пятакова, где содержится ссылка на ваше участие?

Серебряков: Действительно, в конце ноября 1933 года в Гаграх состоялась моя встреча с Пятаковым.

Вышинский: О чем вы беседовали?

Серебряков: Пятаков кратко информировал меня о встрече с Седовым и о своей работе, которую он проводил на Украине и в Западной Сибири. Он просил меня взять на себя работу по руководству связями с Грузией и на транспорте.

Вышинский: И вы дали согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Он вам говорил, что вы привлекаетесь к участию в запасном центре?

Серебряков: Да.

Вышинский: И вы тоже дали на это согласие?

Себебряков: Да

Вышинский: Значит, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова?

Серебряков: Да.

Вышинский: (Обращаясь к Пятакову) Меня интересует: под чьим руководством действовал «параллельный центр»?

Пятаков: Троцкого.

Вышинский: Кто от имени центра осуществлял непосредственную связь с Троцким?

Пятаков: Радек, а потом я имел личную встречу с Троцким.

Вышинский: Следовательно, центр через вас и Радека непосредственно был связан с основным руководителем вашей преступной деятельности?

Пятаков: Правильно.

Вышинский: Какие практические мероприятия центр проводил в жизнь в течение 1933—34 годов?

Пятаков: В 1933—34 годах как раз развернулась организационно-подготовительная работа на Украине, в Западной Сибири, позже оформировалась московская группа. Развернулась работа на Урале, причем вся эта работа уже стала переходить в область осуществления той директивы Троцкого, о которой я показывал раньше, относительно применения вредительских и диверсионных методов.

Вышинский: Значит, в 1933—34 годах под руководством параллельного центра возникают и оформляются на местах троцкистские ячейки, в частности, в Западной Сибири, на Урале, на Украине?

Пятаков: К этому времени появились троцкистские группы в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Киеве.

Вышинский: То-есть центр уже имел свои ячейки?

Пятаков: Да. И они практически приступили к мероприятиям преступного характера.

Вышинский: К каким именно?

Пятаков: На Украине в основном работал Логинов и группа связанных с ним лиц в области коксовой промышленности. Их работа состояла в основном в вводе в эксплоатацию неготовых коксовых печей и потом во всяческой задержке строительства очень ценных и очень важных частей коксохимической промышленности. Вводили печи без использования всех тех, очень ценных, продуктов, которые получаются при коксовании; тем самым огромные богатства обесценивались.

Вышинский: Это по Украине. А в других местах?

Пятаков: В Западной Сибири—на Кемерове действовал обвиняемый по этому делу Норкин. Ему помогал его главный инженер Барцев; в дальнейшем, в 1934 году, я направил туда еще Дробниса, ранее обвиняемого по этому делу, для усиления нашей работы, так как Норкин мне жаловался, что ему очень трудно одному справляться.

Вышинский: Дробниса вы направили в Кемерово специально для того, чтобы усилить вредительскую работу?

Пятаков: Я Дробнису ставил более широкие задачи. Посылая его в Западную Сибирь (я имел разговор с Седовым о посылке Дробниса, так как Троцкий его хорошо знает лично), я преследовал двоякую цель: с одной стороны, активизировать работу Западно-сибирского центра; с другой стороны, оказать необходимое содействие Норкину для проведения вредительства на Кемеровском комбинате.

Вышинский: Вы послали его помощником начальника строительства и вместе с тем для разрушения строительства?

Пятаков: Да. В Кузбассе активно развернул вредительскую работу Шестов, который имел указание непосредственно от Седова и от меня.

На Урале стала складываться подпольная группа Юлина, которая была связана к тому времени уже с группой Мелникова и другими.

Вышинский: Все эти группы организовывались, складывались и осуществляли свою преступную деятельность под вашим непосредственным руководством?

Пятаков: Конечно.

Вышинский: В какой мере остальные члены центра были осведомлены о вашей деятельности?

Пятаков: Об этом знали и Радек и Серебряков. Сокольникова я осведомил позже, уже в 1935 году.

Вышинский: Каково было ваше официальное служебное положение в 1933—34 годах?

Пятаков: Я был заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

Вышинский: Следовательно, вам легче было использовать свои связи для троцкистских махинаций?

Пятаков: Да. В этом я признаю себя виновным.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 23 января

Продолжение допроса подсудимого Пятакова

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций?

Пятаков: Вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии коксо-химической промышленности. Вновь строящиеся коксовые печи вводились в эксплоатацию неостроенными, задерживалась и почти не строилась химическая часть на этих заводах, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в коксо-химическую промышленность, обесценивались. С другой стороны, портились новые коксовые батареи.

Западно-сибирская троцкистская группа вела активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу вели Шестов и его группа, главным образом, по линии создания пожаров в шахтах. На Кемеровском химическом комбинате задерживался ввод в эксплоатацию вновь строящихся об'ектов, средства распылялись по второстепенным об'ектам, и, таким образом, огромнейшие сооружения находились все время в процессе стройки.

Вышинский: Норкин, Карцев, Дробнис были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела. В курсе дела были, конечно, Муралов и Богуславский.

На Урале вредительская деятельность была сосредоточена в медной промышленности и на Уральском вагоностроительном заводе.

В медной промышленности дело сводилось к тому, чтобы прежде всего снижать производственные возможности действующих медных заводов.

Вышинский: А кто персонально вредительскую работу вел?

Пятаков: В основном эту работу вел Колегаев — управляющий Уралсредмеди по директиве Троцкого, затем персонально по моим директивам.

На медном заводе Средуралмедстроя начальником Средуралмедстроя Юлиным, а затем Жариковым велась вредительская работа, заключающаяся в распылении средств, недоведении до конца строительства, создании разрыва между химической и металлургической частями производства, задержке строительства рудника.

На Уральском вагоностроительном заводе начальник строительства троцкист Марьясин направлял средства на ненужное накопление материалов, оборудования и проч. Я думаю, что к началу 1936 года там находилось в омертвленном состоянии материалов миллионов на 50.

Вредительскую работу в химической промышленности проводил Ратайчак.

В азотной промышленности вредительскую работу вели Ратайчак и Пушкин при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая переделка проектов, постоянное затягивание проектирования и тем самым затягивание строительства.

Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все происходило по нашим указаниям и по моим, в частности. Установка давалась, но я не могу конкретно сказать, что я давал указания произвести именно такую-то и такую-то диверсию.

Вышинский: А насчет Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это тоже черезчур конкретно. Я подтвердил показания Норкина и сейчас подтверждаю, что в соответствии с полученной мною установкой Троцкого, я сказал Норкину, что, когда наступит момент войны, очевидно, Кемерово нужно будет вывести тем или иным способом из строя.

Вышинский (обращаясь к Норкину): Припомните разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести химкомбинат из строя на случай войны.

Норкин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовить в момент войны вывод оборонных об'ектов из строя путем поджогов и взрывов.

Вышинский: Шла ли речь о человеческих жертвах?

Норкин: Такое указание было дано.

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Норкин: В общем трудно воспроизвести подлинную формулировку, но она была резка в том смысле, что нечего смущаться и никого не надо жалеть.

Вышинский (к Пятакову): Были ли как-нибудь связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Надо вернуться к установкам Троцкого для того, чтобы было яснее. Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни притти к власти, ни удержаться у власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония, и что им, Троцким, соответствующие шаги уже предприняты.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выразил неудовольствие недостаточной активностью Сокольникова во время тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Радек также имел такие встречи. Сокольников рассказывал Пятакову, что он санкционировал переговоры Троцкого с японским правительством.

Пятаков: В этом же разговоре мы очень много внимания уделяли вопросу о расширении блока. Мы тогда и решили, что необходимо работу по свержению советского правительства организовать вместе с правыми.

Сокольников взялся повстречаться с Томским и увидался с ним. Он передал, что Томский выразил свое полное согласие на организационное вхождение в блок, считал абсолютно необходимым организовать террористическую работу, но должен посоветоваться с Рыковым и Бухариным, что он и сделал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Вышинский: Кроме Томского велись разговоры с кем-нибудь из этой группы?

Пятаков: Радек имел связь с Бухариным. Я был связан с Бухариным до 1934 года, то-есть до ухода его из Наркомата, а когда он перешел в «Известия», эта связь перешла к Радеку.

Примерно в начале декабря 1935 года Радек получил обстоятельное письмо—инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант —это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был с точки зрения Троцкого более вероятным,—это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответственную поддержку, чтобы удержаться у власти.

Вышинский (к Радеку): Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?

Радек: Одно письмо—в апреле 1934 года, второе—в декабре 1935 года.

Вышинский: Содержание их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?

Радек: В основном—да. В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта прихода к власти. Во втором письме речь шла о возвращении к капитализму.

Вышинский: В этом письме было ли что-нибудь об условиях, которым должна удовлетворить пришедшая к власти группа «параллельного центра» в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Конкретно говорилось о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что вероятно это будет необходимо.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сомнений в этом. Как это будет называться—гетманской Украиной или иначе—дело идет об удовлетворении германской аппетит

Продолжение на 4 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Перенос с 3 стр.

сии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приамурья и Приморья.

Вышинский (Пятакову): Расскажите, что у вас произошло за границей?

Пятаков: В конце 1935 года в разговоре моем с Радеком встал вопрос о необходимости тем или иным способом встретиться с Троцким. Так как в этом году я имел служебную командировку в Берлин, Радек рекомендовал мне обратиться в Берлине к Бухарцеву, который имеет связь с Троцким, с тем, чтобы он помог мне организовать эту встречу. Это было в первой половине декабря.

Далее подсудимый Пятаков показывает, что при помощи Бухарцева и доверенного лица Троцкого он имел встречу с Троцким в Осло. Из Берлина тем же доверенным лицом Троцкого он, Пятаков, был доставлен на самолете в Осло и после разговора с Троцким в тот же день на самолете вернулся в Берлин.

Вышинский: Расскажите, о чем вы беседовали с Троцким?

Пятаков: Разговор начался с моей информации о том, что троцкистско-зиновьевским центром уже сделано. К этому времени Троцкий уже получил письмо Радека, и он был особенно возбужден. Во время беседы он меня прерывал, бросал всякие ехидные словечки и реплики насчет примиренчества, непонимания обстановки, вроде: «живете по старинке», и всяческие такие колкие слова, проявляя явные признаки недовольства. Когда дело дошло до вредительства, он разразился целой филиппикой, бросал колкости вроде того, что «не можете отделаться от сталинской пуповины, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, отчетливо и ясно сформулировал он свою позицию относительно вредительства. Троцкий говорил, что военное столкновение и поражение СССР неизбежно, и сжели мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что вредительский метод совершенно неизбежен, он вытекает из самой сущности троцкизма.

Он сказал, что война, по его мнению, на носу, что речь идет о 37 годе. Очевидно, информация эта была не собственным его изобретением. Что касается международной обстановки, то речь шла о том, что реальными силами являются, в первую очередь, фашисты, и с этими силами надо установить связь и обеспечить благоприятное к себе отношение на случай прихода к власти. Он упрекал нас, что мы недостаточно энергично занимаемся диверсионной, вредительской и террористической работой, и сказал, что договорился совершенно определенно с фашистским германским правительством и с японским правительством о благоприятном отношении на случай прихода троцкистско-зиновьевского блока к власти. Тут он мне сказал, что он вел довольно длительные переговоры с заместителем председателя германской национал-социалистской партии—Гессом.

Это соглашение сводилось к тому, что немецкие фашисты обещают троцкистско-зиновьевскому блоку благоприятное отношение и поддержку в случае прихода блока к власти как в военное время, так и до войны. За это фашисты получают нижеследующую компенсацию: общее благоприятное отношение к германским интересам, к германскому правительству во всех вопросах международной политики; известные территориальные уступки, в частности речь шла о завуалированной форме территориальных уступок, которая именовалась «непротиводействие украинским национально-буржуазным силам в случае их самоопределения».

Вышинский: Что это означает?

Пятаков: Это означает, что, если немцы посадят свое украинское правительство,— троцкистско-зиновьевский блок этому не будет противодействовать. По существу это означало расчленение СССР.

Следующий пункт соглашения касался того, в какой форме немецкий капитал получит возможность эксплоатации в СССР необходимых ему сырьевых ресурсов—золотых рудников, нефти, марганца, леса, апатитов и т. д.

Вышинский: А насчет диверсионных актов на случай войны?

Пятаков: В случае военного нападения диверсионная вредительская работа, которая ведется троцкистско-зиновьевской организацией в СССР, должна вестись по указаниям Троцкого, которые должны согласовываться с немецким генеральным штабом.

В конце беседы вышел у нас такой разговор. Приход к власти будет означать, что мы должны сильно отступить по направлению к капитализму. В этой связи Троцкий говорил, что по сути дела у нас одна программа с правыми, поскольку правые приняли диверсионно-вредительскую программу и считают, что надо отступить к капитализму.

Вышинский: Итак, что нового вам сказал Троцкий в 1935 году?

Пятаков: Новое, если хотите, было сформулировано в достаточной мере отчетливо: троцкистская организация по существу превращается в придаток фашизма.

Вышинский: Теперь я хочу вас спросить относительно вашей преступной деятельности в области организации террористических актов. В чем это конкретно выражалось?

Пятаков: Прежде всего, это организация террористических групп в Западной Сибири для убийства Эйхе.

Вышинский: Еще для какой цели они организовались в Западной Сибири?

Пятаков: В западной Сибири была попытка покушения на Молотова, на Украине—на Косиора и Постышева. На Украине были разговоры с троцкистами о переброске украинских троцкистских террористических кадров в Москву.

Вышинский: Для какой цели в Москву перебросить?

Пятаков: Для совершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе... Речь шла о более или менее одновременном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков: Да. Речь шла и относительно закавказских террористов. Серебряков говорил с Мдивани о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистских террористов.

Вышинский (к Серебрякову): Вы подтверждаете это показание Пятакова?

Серебряков: Да. Это предвиделся террористический акт на Ежова.

Вышинский (к Пятакову): Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлина, куда входили Аскольдов, Докучаев, Колосков.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков: Да, непосредственно, как член центра.

Вышинский: Еще что?

Пятаков: Затем мне были известны террористические группы, которые были связаны с Сокольниковым и Радеком. Одна группа Закс-Гланева и Тивеля, связанная с Сокольниковым, и другая группа Пригожина, которая была связана с Радеком. Кроме того, мы в е время предполагали вызвать Дрейцера сюда, так как нам было известно, что у него есть террористические связи.

Вышинский: Вы относительно Дрейцера с кем-нибудь разговаривали?

Пятаков: Я разговаривал с Радеком.

Вышинский (к Радеку): Скажите

Допрос свидетеля Бухарцева

Председательствующий тов. Ульрих (обращаясь к свидетелю Бухарцеву): Вы — Бухарцев, Дмитрий Павлович?

Бухарцев: Да.

Председательствующий: Ваша должность в последнее время и занятия?

Бухарцев: Корреспондент «Известий» в Берлине.

Председательствующий: Вы вызваны в качестве свидетеля по делу Пятакова, Радека и других. Обязуетесь давать правильные показания.

Тов. Вышинский, поскольку свидетель Бухарцев вызван по вашей просьбе, пожалуйста предлагайте вопросы.

Вышинский: Свидетель Бухарцев, вы знакомы с Радеком?

Бухарцев: Я знаком с ним, примерно с 1924 года.

Вышинский: Вы знакомы также и с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился в 1935 году.

Далее свидетель Бухарцев показывает, как он организовал встречу Пятакова с доверенным лицом Л. Троцкого Густавом Штирнером и как при помощи Штирнера Пятаков встретился в Осло с Л. Троцким.

Вышинский (к Бухарцеву): Вам известно, откуда Штирнер достал паспорт? Откуда он достал самолет? Как это так легко в Германии сделать?

Бухарцев: Когда я разговаривал со Штирнером, я ему задал вопрос, как он достанет паспорт. Штирнер сказал: Не беспокойтесь, я это дело организую. У меня есть связи в Берлине.

Вышинский: Какие связи?

Бухарцев: Он мне не сказал какие. Я представлял себе, что это такие связи, в таких кругах, которые могут это сделать.

Вышинский: Какие это круги?

Бухарцев: Германские правительственные чиновники.

Вышинский: Ради чего вы участвовали в этой операции?

Бухарцев: Я был членом троцкистской организации.

Об'является перерыв до 11 часов утра 24 января.

Утреннее заседание 24 января

Допрос подсудимого Радека

Из показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся двурушником и вскоре после возвращения из ссылки восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан,—с Пятаковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930-31 году?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 году. Уже тогда, в 1931 году, я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал, таким образом, отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности об'единенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале-марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства».

Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октября 1932 года я принял решение о возвращении на путь борьбы. Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил итти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь об'единились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Как показывает затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала об'единенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Серебрякова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбой.

Далее Радек признает, что ему задолго до убийства Кирова было известно о подготовке к этому покушению со стороны зиновьевцев. Такое же покушение готовили и троцкисты, причем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвинувший для организации террористической группы в Ленинграде Пригожина. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью у зиновьевцев осуществлял Бакаев, как Мрачковский в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фриделянда. Заместитель Дрейцера Гаевский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр, — он назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логинова,—формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Муралова. Кроме этого он говорил, что в Туле возникла, или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитятевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, это была группа Закс-Гланева, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь с Бухариным. Томского я видел только в 1933 году, когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 года после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?» Он сказал: «Да». Тогда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше, какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало об'единение народных масс вокруг ЦК, оно при

Продолжение на 3 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Перенос с 4 стр.

вело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует итти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины—к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем».

При дальнейшем допросе выясняется, что троцкистским центром предпринимались с этой целью попытки об'единить руководство террористическими группами. Руководителем их намечался Дрейпер.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указал в этом письме, что он установил контакт с некими дальневосточными и некими среднеевропейскими государствами, что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов назначительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 года на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель среднеевропейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль г-на Троцкого? Может быть это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные—это советское правительство, а реальные—это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страною, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Какие вопросы стояли в письме?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, итти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек: Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об их отношении к пораженчеству ответили, что они разделяли позицию пораженчества.

Вышинский к Радеку: Вы сказали, что было и второе письмо в декабре 1935 года. Расскажите о нем

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств об'ектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических об'ектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплоатации тех заводов, которые формально останутся в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том что колхозы надо будет распустить и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит—будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то это будет аналогия с властью Наполеона I, «это будет бонапартистская власть». «Продумайте эту аналогию», писал Троцкий. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может притти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой дальневосточной страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может притти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас—поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое—раздел страны. Германии намечено отдать Украину: Приморье и Приамурье—Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем—сначала он сказал это без цифр, а после более определенно—известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось—надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет Придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашение, то-есть со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский: Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Для транспорта не могло быть исключения.

Государственный обвинитель выясняет отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 года и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троекратное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто—«за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого—страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Директива Троцкого о согласовании вредительства с иностранными кругами означала, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было итти в ЦК Партии сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 году видели, что страна сильна и это не оправдается?

Радек: Что поражение не не оправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине.

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином... в ноябре 1934 года это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

— ★ —

Об'является перерыв до 6 часов вечера.

Вечернее заседание 24 января

Допрос свидетеля Ромма

Суд переходит к допросу свидетеля Ромма, бывшего корреспондентом советской печати за границей и давнишнего личного друга Радека.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве с 1930 года по 1934 год.

Вышинский: В Женеве вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об об'единении с зиновьевцами о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП(б), в первую очередь—против Сталина и Ворошилова.

Далее свидетель Ромм показывает, что осенью 1932 года, будучи в Москве, он получил от Радека письмо к Троцкому, которое проездом через Берлин послал по ранее обсужденному Седовым адресу. Письмо это было заделано в корешок одной немецкой книги.

Вышинский: Когда была ваша следующая встреча с Седовым?

Ромм: В июле 1933 года, в Париже. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил, и мы отправились в Булонский лес, где встретились в Троцким.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вез в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность

Продолжение на 6 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Перенос с 5 стр.

преобладания зиновьевцев налицо, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и далее при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо почать, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель—это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятилетке, к новой технике и тем самым к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, он процитировал латинское изречение, которое говорит: «чего не излечивают лекарства, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задал несколько неуверенный вопрос о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но была брошена Троцким мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о поражениичестве.

Затем он передал мне книгу—роман Новикова - Прибоя «Цусима», сказав, что в переплет этой книги вделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире. Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись на отпуска в конце сентября 1933 года, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переплет немецкой книги.

Письмо это я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о развертывании политической и диверсионной работы. Это письмо я передал в Париже Седову.

Вышинский: В чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «вам известно, что наша установка—на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может итти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отсрочках и т. п. будут, естественно, учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: Для кого?

Ромм: Для Троцкого.

Допрос подсудимого Сокольникова

Вышинский: Расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к об'единенному троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав об'единенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 года об'единенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами об'единенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду. Моя работа в параллельном центре началась летом 1935 года. До этого она выражалась в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем. В начале 1934 года Каменев предупредил меня, что дипломатический представитель одной страны может обратиться ко мне с запросом о подтверждении того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся им не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представителем которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля 1934 года после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я провожал своего собеседника к выходу, он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству. Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее—являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил, это. Он спросил меня — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой своей беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я примерно через месяц разговаривал с Радеком, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радек мне сообщил, что Троцкий выражал неудовольствие, что я выполнил это поручение формально, т. е. подтвердил полномочия, но не подтвердил предложения по существу, не защитил их, не аргументировал за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после арестов зиновьевцев и отчасти троцкистов, я, зная, что я выделен в параллельный троцкистский центр, считал, что я обязан связаться с его членами.

Я обратился первоначально к Радеку. Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Мне известно было о переговорах, которые вели члены об'единенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым, знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Троцким и Угдановым. В этих переговорах была установлена общность и основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности принятие террористического способа борьбы. Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с об'единенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году говорилось, что и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это—так называемая рютинская платформа, она в значительной мере выдержала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 года. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был уполномочен выставлять требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны.

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы расчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы расчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти остаточки должны были расшириться.

Вышинский: Через какие этапы лежал ваш путь к власти по вашему представлению?

Сокольников: Путь к власти лежал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытесняли и, в известной мере, замещали элементы социалистические

Вышинский: А относительно агрессоров?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительство блока могло бы оказаться у власти.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы расчитывали? Расчитывал ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами или он имел в виду об'единить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно, это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предполагал предоставление концессий иностранному капиталу, сдачу в аренду отдельных заводов иностранному капиталистам, предполагал, во всяком случае, в начале частичный роспуск колхозов, то очевидно, что это создавало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелкокапиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию, которая была бы заинтересована в сохранении этого режима и поддерживала бы таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: То-есть вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма—это и есть восстановление классов.

Председательствующий: Подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935-1936 годах?

Сокольников: В 1935 году ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Закса-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 году покушения на товарища Кирова? Известен ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на товарища Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовится покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 году я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, что в центр входили Левин, Котолынов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Допрос подсудимого Серебрякова

Вышинский: Когда вы возобновили свою антисоветскую, преступную деятельность?

Серебряков: Осенью 1932 года. Ко мне зашел Мрачковский и информировал меня о создании троцкистско-зиновьевского блока, назвал состав этого центра и тут же сообщил, что центр решил на случай своего провала выдвинуть запасный центр.

Вышинский: Как вы отнеслись к этому предложению?

Серебряков: Для меня оно не было неожиданностью. Я хотя и отошел от контрреволюционной деятельности троцкизма, но все-таки у меня остались контрреволюционные настроения, несмотря на подачу заявления в 1929 году.

Вышинский: Когда вы подали заявление в 1929 году, вы в действительности оставались троцкистом?

Серебряков: Да, внутренне оставался троцкистом...

Далее подсудимый Серебряков показывает, как он встретился в Гаграх с Пятаковым, взял на себя руководство вредительской работой на транспорте и руководство закавказской троцкистской террористической организацией.

Серебряков: В 1934 году или, может быть, в конце 1933 года я зашел в НКПС, повидал там А. М. Арнольдова. Он выразил полную готовность взять на себя осуществление и руководство вредительской работой на транспорте. Мы с ним поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежесуточной погрузки методом увеличения пробега порожних вагонов, неувеличения заниженных уже до этого норм пробега вагонов и паровозов и т. д. В 1934 году ко мне в Цудортранс пришел Лившиц, он был начальником Южной дороги. Я его информировал о своем разговоре с Арнольдовым. Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель—Зорин и что он может развернуть работу. В 1934 году я же привлек к вредительской работе на транспорте начальника Тульской дороги Миронова. Я имел также сведения в 1934 году, что привлечен Фуфрянский, работающий в НКПС, а также Емшанов—заместитель начальника дороги Москва-Донбасс. Называлась также фамилия Князева как члена организации.

1935 году, когда пришел на транспорт Л. М. Каганович, и у меня возникли большие опасения о возможности провала всей группы. Арнольдов меня успокоил, что вредительская деятельность на транспорте очень хорошо замаскирована вот этими самыми «нормами», что «предельные нормы» получили, так сказать, права гражданства на транспорте. Несмотря на то, что «предельные нормы» получили право гражданства, Каганович разоблачил все это. Арнольдов проводил эту работу не только сам, а с помощью теоретиков «предельных норм», среди которых были не только члены организации, он был с ними как-то связан, фамилии их он мне не называл.

Арнольдов Каганович снял после разоблачения предельщиков. Тогда Арнольдов сказал, что в НКПС заместителем наркома идет Лившиц, и предложил, чтобы все связи по транспорту передавались Лившицу.

В 1934 году в Москву приехал Мдивани и сообщил мне с Пятаковым, что в Закавказье работа развертывается и что центр намечен и просил нашей санкции. Мдивани сообщил, что у них стоял вопрос о террористическом акте против Берия. Мы с Пятаковым дали указание взяться за подготовку террористического акта против Сталина, не приостанавливая подготовку террористического акта против Берия.

Вышинский: Не приостанавливая?

Серебряков: Не приостанавливая.

Вышинский: Следовательно, я правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Буду Мдивани, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году я встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова. Было дано задание Мдивани поставить вопрос о возможном об'единении с Радеком.

Окончание на 7 стр.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Перенос с 6 стр.

и в Армении, с муссаватистами в Азербайджане и грузинскими меньшевиками в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано во исполнение этого решения?

Серебряков: Насчет дашнаков и муссаватистов в конце 1935 года Мдивани мне сообщил, что он начал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузии предоставляется преобладающее влияние на территории Закавказья.

Вышинский: Грузия подчиняет своему влиянию Армению и Азербайджан?

Серебряков Да. Она—самостоятельное государство, играющее в Закавказьи ведущую роль.

Допрашиваемый государственным обвинителем подсудимый Лившиц подтверждает показания Серебрякова в части, касающейся связи с ним.

Подсудимый Пятаков подтверждает, что давал указания Лившицу о вредительской работе на транспорте.

★

Об'является перерыв до 11 часов утра 25 января.

Дневник утреннего заседания 25 января

Утреннее заседание 25 января начинается с допроса свидетеля Логинова, бывш. управляющего треста «Кокс». Логинов состоял в украинском троцкистском центре, созданном по директиве Пятакова. Свидетель подтверждает связи с Пятаковым, его установки на террор и вредительство.

— Затормозить бурный рост индустрии—так, в частности, определяет роль украинского троцкистского центра Логинов. В соответствии с этим, как он заявляет, основное внимание было направлено на коксохимию. Вредительская деятельность велась так, что химические цехи коксовой промышленности вступали в строй на один-два года позже пуска коксовых печей. Так было, например, на Мариупольском заводе.

Вышинский: Это делалось преднамеренно?

Логинов: Да, совершенно преднамеренно...

Свидетель показывает, что строительство того же Мариупольского завода шло без сооружения обслуживающих предприятий: складов, механической мастерской, лаборатории. Завод был пущен с 640 недоделками. Такая же система вредительства осуществлялась на Криворожском, Горловском, Ново-Енакиевском и других предприятиях.

Свидетель Логинов сообщает суду и о том, как была выполнена директива Пятакова—найти подходящих людей для связей с германской контрразведкой. Одним из таких людей явился подсудимый Граше, который был связан с Ратайчаком. Граше был рекомендован Ратайчаку самим Логиновым.

— Связь с Граше оправдалась? —обращается к Ратайчаку товарищ Вышинский.

— Да, оправдалась! — цинично отвечает он.

После свидетеля Логинова показания дает подсудимый Богуславский. Член Западно - сибирского троцкистского центра, он «специализировался», главным образом, на вредительстве в транспортном хозяйстве. Аварии на железной дороге, вывод из строя паровозов, вредительство на стройке новых железнодорожных участков—вот к чему приложил свои грязные руки троцкист Богуславский.

Допрос его подтверждает, что Богуславский, в частности, был связан с террористом Бермантом, готовившим покушение на товарища Сталина. По предложению Богуславского Бермант должен был доставить в Западную Сибирь три револьвера и 80 боевых патронов, но был арестован. Все эти факты подсудимый вначале старался скрыть на предварительном следствии.

Вышинский: Вы сразу стали давать откровенные показания?

Богуславский: Нет, не сразу, но скоро.

Вышинский: Вы совершенно добровольно, честно, искренне стали давать эти показания по своим внутренним личным убеждениям?

Богуславский: Совершенно верно, и, если мне будет разрешено судом, я хочу изложить эти мотивы...

Эти мотивы, по его словам заключаются в том, что ему стала ясна невероятная гниль троцкистского подполья. И особенно омерзительные чувства охватили его тогда, когда он узнал, что Троцкий сговаривался с фашистами о распродаже советской страны фашистам. О своих чудовищных замыслах главари троцкистского центра не решались сообщать даже многим своим сообщникам.

Последним на утреннем заседании допрашивался подсудимый Дробнис. Ближайший помощник Пятакова, он был послан в Кузбасс для руководства всей диверсионно-вредительской работой.

Посылая Дробниса в Кузбасс, Пятаков сказал ему, что в борьбе против советского правительства все средства хороши. Дробнис и подсудимый Норкин, связавшись с бывшими вредителями-инженерами, тормозили строительство Кемеровского комбината, срывали сроки сооружения такого важного предприятия, как азотно-туковый комбинат, портили вентиляцию и производили загазование шахт. Дробнис признается, что в июле 1936 года он дал директиву Носкову — произвести взрыв в шахте «Центральная» на Кемеровском руднике. Тот заметил ему, что без человеческих жертв не обойтись. И Дробнис ответил:

— Надо итти на убийство рабочих. Чем больше жертв, тем лучше. Это вызовет озлобление рабочих против советской власти...

— Для кого было бы лучше?— спрашивает государственный обвинитель.

— Для вредителей, — отвечает Дробнис.

— Для троцкистов?

— Да!—нагло и вызывающе заявляет этот убийца, руки которого обагрены кровью советских рабочих.

— Задание Дробниса Носков выполнил, и 23 сентября 1936 года в шахте произошел взрыв, повлекший за собой смерть 10 и тяжелые ранения 14 рабочих. Незаконно до этого Дробнис уже был арестован.

Вышинский: Можно было помешать?

Дробнис: Помешать? Конечно, можно было.

Вышинский: Хотя и сидели, но взрыв произошел?

Дробнис: Да...

И здесь Дробнис признается в новом отвратительном преступлении: за диверсионные вредительские акты троцкисты хотели свалить всю вину на беспартийных специалистов.

Председательствующий Ульрих: Хотя бы ни к чему не причастных?

Дробнис: Ну само собой понятно...

Таково лицо троцкистских выродков озверевших врагов советского народа, наймитов фашизма, гнусных шпионов, диверсантов, изменников родины!

★

Вечернее заседание начинается с допроса подсудимого Муралова. Подсудимый Муралов, по предложению государственного обвинителя, показывает о своем участии в подпольном контрреволюционном троцкистском центре в Западной Сибири.

Затем суд заслушивает показания подсудимого Шестова. На показаниях подсудимого Шестова—старого троцкиста, шпиона, диверсанта и грабителя, вечернее заседание заканчивается.

Смерть фашистским бандитам!

24 января во всех цехах и сменах ремонтного завода проходили митинги, посвященные обсуждению обвинительного заключения по делу «параллельного» контрреволюционного троцкистского центра.

С величайшим напряжением и вниманием рабочие, служащие и инженерно-технические работники завода слушали каждое слово текста обвинительного заключения. Чувство глубочайшего негодования вырывалось у присутствующих во время чтения обвинительного заключения: «Гады, предатели, всех до одного уничтожить, не место им на нашей земле»!

В первой смене 24 января состоялось 16 митингов, на которых присутствовало больше двух тысяч человек. Выступило свыше ста человек. Мнение всех выступающих одно: уничтожить фашистских зверей, расстрелять, выкорчевать все их остатки — всю мразь, всех последышей троцкистско-зиновьевской фашистской банды. Выступающие призывали к повышению революционной бдительности и к еще большему сплочению вокруг Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков, вокруг любимейшего вождя, учителя и друга трудящихся всего мира товарища Сталина.

В резолюции, принятой единогласно, говорится: «Вместе со всеми трудящимися Советского Союза коллектив Вологодского паровозовагоно-ремонтного завода с еще большим упорством будет бороться за досрочное выполнение программы последнего года второй пятилетки. Каждый честный рабочий, служащий и инженерно-технический работник своей работой докажет, что никто и ничто не остановит великого победного шествия социализма.

Да здравствует наша цветущая, непобедимая Родина!

Да здравствует наш мудрый, дорогой друг и учитель великий Сталин!

Да здравствует ВКП(б), ведущая страну к полному торжеству коммунизма»!

П. ДЕМИЧЕВ.

Взбесившихся псов—расстрелять!

Красноармейская столовая части товарища Пантина переполнена бойцами, командирами и политработниками. Они пришли, чтобы выразить глубочайшее возмущение и гнев к предателям Родины, бандитам-террористам Пятакову, Радеку, Сокольникову и всей их гнусной компании. Открывая митинг, батальонный комиссар части тов. Кочетков сказал:

— Фашистские псы, убийцы и диверсанты, чьи руки обагрены кровью незабвенного народного трибуна Сергея Мироновича Кирова, снова пытались подымать свои подлые лапы на наше самое дорогое, родное, наше сердце—товарища Сталина. Подлое злодеяние им не удалось совершить. Славные дзержинцы—зоркие чекисты прихлопнули к позорному столбу презренных бандитов. Мы должны, — говорит в заключение тов. Кочетков, —еще выше поднять большевистскую бдительность, еще лучше овладевать высотами боевой техники.

Один за другим подымаются на трибуну бойцы и командиры, они с проклятием называют имена изменников Родине. Орденоносец Л. Стояновский заявил:

— Торжество побед социализма, счастливая жизнь народов великой нашей страны вызвали у трижды презренных троцкистов ненависть и злобу. Они убили дорогого нам Сергея Мироновича Кирова, отравляли рабочих, убивали красноармейцев, но им никогда не удастся уничтожить и отнять великие завоевания Октября. Наш ответ один: расстрелять гадов!

Выступившие товарищи Кожевников, Птичкин, Эскин, Плечев и др. заклеймили изменников Родине и заверили командование и парторганизацию полка, что их подразделения добьются в ближайшее время отличных показателей в боевой и политической подготовке.

Митинг принял резолюцию, в которой сказано:

«Презренные, гнусные агенты фашизма, возглавляемые обер-фашистом Иудушкой Троцким, просчитались. Нет таких сил в мире, которые могли бы затушить факел, поднятый Лениным и Сталиным, нет таких сил, которые могли бы остановить наше победоносное шествие к коммунизму. Мы по первому зову Партии и Правительства встанем грудью на защиту нашей великой Родины, и, если понадобится, отдадим за Родину, за великого Сталина свою жизнь. Смерть изменникам Родине, агентам фашизма!»

С. СЕРГО.

П. ЖИЛЬЦОВ

Десятилетие Осоавиахима

23 января исполнилась славная десятилетняя годовщина Осоавиахима —резерва и ближайшего помощника Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В рядах Осоавиахима миллионы трудящихся нашей социалистической Родины учатся метко стрелять, управлять самолетом и планером, защищаться от воздушно-химического нападения врага.

За последние годы осоавиахимовская организация, под руководством ленинско-сталинской Партии, неизмеримо выросла и окрепла. От формы агитации за укрепление обороноспособности Советского Союза Осоавиахим перешел к массовой подготовке кадров обороны страны

В Советском Союзе аэроклубами например, только в 1936 году подготовлено около восьми тысяч смелых пилотов, тысячи авиатехников. инструкторов-летчиков и специалистов других квалификаций для советского воздушного флота

Велики успехи Осоавиахима в подготовке ворошиловских стрелков.

В области подготовки трудящихся к противовоздушной и химической обороне Осоавиахим добился также огромных побед. Только за первую половину 1936 года три миллиона трудящихся сдали нормы на значок ПВХО первой ступени.

В укреплении обороны нашей страны огромную помощь Осоавиахиму оказывал и оказывает ленинский комсомол, который недаром называется «душой и сердцем Осоавиахима». Комсомол дал Осоавиахиму много энергичных, талантливых организаторов. Эти молодые люди принесли с собой задор и большое стремление к овладению военными знаниями.

К своему десятилетию Осоавиахим, как популярнейшее и любимое трудящимися добровольное оборонное общество приходит с большими победами. В рядах ворошиловских стрелков, значкистов ПВХО, топографов, авиамоделистов нашей страны много трудящихся и нашего города.

Осоавиахимовская организация Вологды об'единяет в своих рядах около 9 тысяч человек. Среди осоавиахимовцев 1570 ворошиловских стрелков первой и 34 второй степени, 342 юных ворошиловских стрелка, 2325 значкистов противовоздушной и химической обороны. Немалая работа проделана и по подготовке кадров. На учебном пункте Осоавиахима идет систематическое обучение допризывников. Здесь молодежь, идущая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, повышает свою политическую и военно-техническую подготовку. В прошедшем году горсовет Осоавиахима вновь оборудовал лагерь в Чехолдино, который является прекрасной учебной базой.

Однако, проделанная работа осоавиахимовской организации Вологды совершенно недостаточна. Деятельность первичных организаций и горсовета Осоавиахима ни в какой мере не удовлетворяет возросшим требованиям молодежи, желающей в совершенстве овладеть высокой военной техникой.

Работа осоавиахимовских организаций у нас сводится только лишь к стрелковому спорту, ПВХО, топографии и кое-где начинают организовываться кружки по изучению мотора, а такие, наиболее увлекательные виды оборонной работы, как планеризм, парашютизм выпали из поля зрения Осоавиахима. Имеющиеся в городе три планера и парашютная вышка не используются, значительно ослабела работа по авиамоделизму среди пионеров и школьников. О первичных организациях Осоавиахима предприятий и учреждений можно сказать одно, что они в абсолютном большинстве работают слабо, а некоторые вообще ничего не делают.

Слабая работа первичных осоавиахимовских организаций об'ясняется не только недостаточным руководством со стороны горсовета Осоавиахима, но и партийных комитетов. Партийные организации таких предприятий, как завода «Северный коммунар», спиртзавода, гипографии, швейной фабрики, хлебозавода и союза медсантруд прошли мимо столь безобразного факта, когда на их предприятиях сорваны контрольные задания по подготовке ворошиловских стрелков.

Указания городского комитета ВКП(б) об усилении партийного руководства осоавиахимовскими организациями многими парткомами игнорируются.

Осоавиахимовская первичная организация готовит кадры для обороны страны, следовательно она должна чувствовать постоянное руководство и помощь со стороны партийных комитетов и горсовета Осоавиахима. Вологда имеет все возможности дать для обороны нашей социалистической Родины тысячи новых отважных, смелых людей.

ТЕАТР
„БОЛЬШОЙ ДЕНЬ"

Отзывы зрителей—командиров Красной Армии

Из писем, поступающих в редакцию «Красного Севера» от зрителей —бойцов и командиров, явствует, что постановка гортеатра «Большой день» производит чрезвычайно сильное впечатление.

— Я в восторге от пьесы Киршона «Большой день»,—пишет капитан части Пантина тов. **Кожевников.**—Коллектив гортеатра под руководством заслуженного артиста республики тов. А. С. Ходырева играл хорошо. Особенно мне хочется отметить майора Кожина (арт. А. С. Ходырев), комбрига (арт. Д. С. Ростовцев), Валю (арт. Чеботарская), Зорьку (арт. Иванов). Эти актеры правильно и с сильным чувством передали мечты и чаяния доблестной Красной Армии и всего великого народа нашей Родины.

Младший командир части тов. Пантина, стахановец тов. **Носов** нам пишет:

— После просмотра пьесы «Большой день» я собрал своих бойцов и начал им выкладывать свои впечатления. Мы все пришли к единодушной оценке: пьеса хорошая, исполнение ролей—тоже. Эта пьеса учит нас, молодых бойцов, еще сильнее любить свою социалистическую Родину, сильнее ненавидеть врагов-фашистов. Мы еще лучше будем овладевать высотами новейшей техники, чтобы таких гадов, как Кмох (фашист), с первого же выстрела уничтожать.

— Когда настанет «Большой день», о котором давно мечтает майор Кожин, я вместе со своим мужем пойду отстаивать счастливую Родину советских богатырей. Постановка гортеатра «Большой день» волнует зрителя. Написана она просто, понятно и весьма выразительно. Понравилась мне игра Вали (арт. Чеботарская), она дает образ хорошей жены—боевой подруги своего мужа. Хочу отметить артистов А. С. Ходырева, Савченко, Аренского и Барцева. Из пьесы видно, что коллектив гортеатра упорно и кропотливо работал над постановкой,—заключает свое письмо жена старшего лейтенанта тов. **Либерт.**

— Пьеса «Большой день»,—пишет лейтенант **Сапиго,** — показывает учебу, быт и взаимоотношения начальствующего состава. Гордых соколов великой Родины—летчиков. Постановка патриотична. Она волнует зрителя, электризирует, затрагивает человеческие чувства. Поэтому не удивляешься, когда в трудные для капитана Голубева минуты, попавшего в руки фашистов, зритель начинает волноваться, ему хочется встать с места и помочь Голубеву уничтожить презренного зверя-фашиста — правительственного комиссара Кмоха. Арт. Гойер удачно провел свою роль.

И когда майор Кожин со своим отрядом врывается в фашистский штаб, аплодисменты длятся несколько минут.

Коллектив гортеатра постановкой «Большой день» завоевал симпатию вологжан и тем самым приблизил зрителя к театру. В этом сезоне это вторая победа театра после «Бассы Железновой».

Несколько слов хочу сказать о некоторых исполнителях.

Заслуженный арт. республики А. С. Ходырев правильно подал роль командира-большевика — участника гражданской войны. Ходырев своей игрой (майор Кожин) как бы привлекал зрителя к активному и духовному восприятию хода событий. Ходырев играл хорошо. В то же время я целиком согласен с тов. Голушковым в том, что Ходыреву необходимо избегать одинаковости в показе большевиков и преувеличенное подчеркивание суровости, нелюдимости... Ясно для всех, тем более для военного специалиста, что в рядах Красной Армии, такого человека, который бы так отвергал уют, был такой грубый и нетакичный, как изображал тов. Ходырев майора Кожина—сейчас нет.

Выразителен был Д. С. Ростовцев в роли комбрига, чего нельзя сказать об арт. Самарове начальнике политотдела.

В лице комбрига (Ростовцев) и нач. политотдела чувствовалась большевистская забота о человеке, умелый подход, глубокое понимание индивидуальных качеств каждого подчиненного. Это и есть главное у большевика-командира, поставленного Партией и Правительством на самый ответственный участок социалистического строительства—обороны страны.

Не одного Кожина, имевшего элементы партизанщины, а сотни таких как Кожин, перевоспитала Красная Армия, благодаря изумительному руководству наркома товарища Ворошилова и вождя народов товарища Сталина. И тов. Ростовцев сумел создать образ комбрига-большевика. В этой части я не согласен с оценкой, данной в рецензии тов. Голушковым.

Хорошо играла Чеботарская (жена Голубева, Валя). Она совершенно правильно интонацией, движением и чувством передала зрителю боевую подругу командира, жену, которая всесторонне помогает совершенствоваться мужу и совершенствуется сама.

Следует отметить также и Аренского (начхоз), Гойер (Кмох), Савченко (жена комбрига), Терсеменов (капитан). В постановке «Большой день» выделяются и молодые актеры. Это тов. Иванов (Зорька), Шварц (капитан) и Барцев (маляр). Правда, художественному руководителю тов. Ходыреву много пришлось поработать с молодыми актерами. Ходырев их продвигает вперед. Но будет еще лучше, если тов. Ходырев возьмет особое наблюдение и поможет Шварцу, Иванову, Барцеву совершенствоваться. Тем более, что эти актеры растущие.

В конце своего письма лейтенант Сапиго пишет:

— Не повторяя указанных в статье т. Голушкова недочетов, я отмечаю два пробела. Первое—это то, что почти ни один из актеров, за исключением начальника штаба бригады Полонского (арт. Гундобин), неправильно делают повороты при получении приказания. А это много отражается и на исполнении пьесы. Второе: раз уже надел военную форму, значит делай так, чтобы твоя выправка, заправка соответствовали действительности. Получается же не весьма отрадная картина, когда при выходе на сцену у многих актеров отсутствует элементарная опрятность.

Вывод таков. Коллектив гортеатра, под руководством заслуженного артиста республики А. С. Ходырева, сумел создать бодрый и мобилизующий спектакль. Пьесу «Большой день» должны посмотреть все и особенно молодежь.

ПО НАШИМ СИГНАЛАМ

«Мясо и сбой продают по одной цене» («Красный Север» № 12 от 15 января).

Факты, указанные в заметке, после проверки подтвердились. Приняты меры к исправлению недостатков в торговле мясом. Завмагу Лесонову дано категорическое предупреждение не допускать в дальнейшем расценки всей туши по одной цене, а строго придерживаться расценки по сортам, согласно схеме разруба каждой туши.

Нач. отдела рабочего снабжения СУРПа Лукьянов.

На горке во втором детском парке.
Фото Н. БЯЗОВСКОГО.

Отчетно-перевыборная кампания первичных организаций МОПР

С 14 января по 1 февраля по Вологодской организации МОПР проводится отчетно - перевыборная кампания. Кампания будет проходить в особо сложных условиях международной обстановки. Перед МОПРом стоит ответственнейшая задача усиления интернационального воспитания трудящихся, оказания моральной и материальной помощи узникам капитала, томящимся в фашистских застенках.

Члены МОПРа и трудящиеся нашей страны знают, в каких условиях живут и борются наши зарубежные братья. Наш долг помочь им в героической борьбе с фашизмом.

Мы должны призвать в ряды МОПР новые сотни, тысячи трудящихся, готовых участвовать в борьбе за освобождение трудящихся во всем мире.

На сегодня из 160 городских первичных организаций МОПР хорошо работают только 17. Подобное явление нетерпимо. Мы обязаны добиться решительного улучшения работы мопровской организации.

В период отчетно-перевыборной кампании необходимо провести точный учет членов МОПР, ликвидировать задолженность по членским взносам и шефскому гривеннику. На выполнение этих задач должны быть подняты все члены мопровской организации.

Отчетно перевыборная кампания должна пройти под непосредственным руководством первичных партийных организаций, с привлечением всего мопровского актива. Это поможет нам значительно улучшить работу мопровской организации.

Пред. горкома МОПР
БАРАНОВ.

НАКАНУНЕ ПУШКИНСКИХ ДНЕЙ

Средняя школа № 4 готовится к пушкинским дням. Оживленно идет литературном кружке. Ребята читают пушкинские произведения, знакомятся с жизнью великого поэта, выпускают свой литературный журнал, посвященный его творчеству.

В пионерских отрядах и звеньях также проводится большая подготовительная работа. Пионеры шестого отряда с большим увлечением готовят самую разнообразную, интересную программу для сбора в пушкинские дни.

Лена Колина прочтет на сборе стихотворение Лермонтова «На смерть поэта». Стихотворение «Зимний вечер» прочтет Галя Жаркова.

Драматический кружок готовит постановку «У лукоморья дуб зеленый». Юные артисты работают над своими ролями.

Большое участие в подготовке принимают и педагоги. Преподаватель литературы Добромов расскажет ребятам о жизни Александра Сергеевича Пушкина, а учитель музыки В. А. Писарева споет на сборе переложенное на музыку стихотворение Пушкина «Сожженное письмо».

Новые здания

Горкомхоз в скором времени приступает к постройке на улице Урицкого двухэтажного каменного здания фельдшерско-акушерской школы на 400 человек.

Два каменных четырехэтажных и два двухэтажных дома для семей начсостава будут построены в 1937 году

— ★ —

Работа предприятий города за 23 января

(в процентах к суточному плану)

„Северный печатник"	84,0
Хлебозавод	101,8
Лесозавод № 2	42,0
Завод Главспирта	121,1
Пивзавод:	
пиво	103,8

Швейная фабрика не работала из-за неподачи электроэнергии.

Лесозавод № 3— неполное выполнение плана из-за отсутствия электроэнергии.

„Вентуз" не работает из-за неподачи электроэнергии и шурупов

— ★ —

ВЫПОЛНЕНИЕ ЗА ДЕКАДУ
с 10 по 20 января
(в процентах к декадному плану)

„Северный игрушечник"	8,7
„Северный кондитер"	47,0
Трикотажная артель	100,5
„Красный факел"	30,0
Зит и	34,5
Грибоночная ф-ка	26,0
Мясокомбинат	6,0

— ★ —

Извещения

Сегодня, с 6 часов вечера, при парткабинете ГК ВКП(б) работают курсы пропагандистов и агитаторов. Явка слушателям обязательна.

Парткабинет.

26 и 27 января, с 9 часов утра, с отрывом от производства работает семинар партактива. Руководит тов. Шишкин.

Тема: «Пражская конференция РСРП».

Должны явиться: Галтыкин — НКВД, Голушков—горфо, Филин — горсовет, Чебыкин—водсовет, Смирнов—ГК ВКП(б), Пономарев — СК-7, Попов—политинститут, Андерсон—сыностройка, Валов.

Парткабинет ГК ВКП(б).

26, 27 и 28 января, с 9 час. утра, с освобождением от производства, работает семинар пропагандистов кандидатских школ.

Должны явиться: Волков—НКВД, Кудряков—швейная фабрика, Колеганов—волкирпич, Труфанов — лесосеторг, Коптев—горбольница, Петров — волкирпич, Головешкин—заготсерно", Диев—водники, Андреев—райпотребсоюз, Никитин — тюрьма, Третьяков—ГСПС, Щербаков—МТМ, Иванов—водники.

Парткабинет ГК ВКП(б)

Отв. редактор К. И. ШУЛЬГИН.

КИНОТЕАТР „ИСКРА"

ПРЕМЬЕРА! ✱ СЕГОДНЯ ✱ ПРЕМЬЕРА!
демонстрируется новая звуковая комедия
ВРАТАРЬ
с участием заслужен. арт. республики Гурецкой, Горюнова, Курихина.
Музыка заслуженного деятеля искусств Дунаевского.
Начало сеансов в 6, 8 и 10 часов.

КИНОТЕАТР им. ГОРЬКОГО
СЕГОДНЯ—ПРЕМЬЕРА!
Звуковой ЦВЕТНОЙ фильм
Соловей-Соловушко
Начало сеансов: в 6, 8 и 10 ч. веч.
Дневные сеансы: в 2 и 4 ч. — для учащихся старших классов средних школ и студентов.
Касса открыта: с 11 ч. у. до 1 ч. дня, с 3 час. дня до 10 час. веч ежедневно.

Требуется квартира и комната
для одиноких. Оплата по соглашению вперед за шесть месяцев. Сообщить письмо, коммунальная гостиница № 16, по телефону—дежурной № 56 с 9 час. до 4 час. веч.

ГОРТЕАТР
Сегодня А. Н. ОСТРОВСКИЙ
ЛЕС
Постановка заслуженного артиста республики А. С. ХОДЫРЕВА.
Начало спектаклей в 8 час. вечера
Касса открыта с 3 час. дня до 9 часов вечера.

РАЙПОТРЕБСОЮЗУ
для работы в районе сельпо
ТРЕБУЮТСЯ 2 БУХГАЛТЕРА.
Все справки об условиях в конторе райпотребсоюза—Советская ул., д. 6

Артельсоюз на днях открывает
СКУПОЧНЫЙ ПУНКТ
на Базарной площади, против молочных рядов, для скупки кошеных вещей: обувь, меха, головные уборы, белье, одежда верхняя и нижняя и другие вещи из текстиля.

ВОЛОГОДСКОЙ ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНОЙ КОНТОРЕ
для изыскания механизированных дорог ТРЕБУЮТСЯ:
1. Инженеры по лесотранспорту.
2. Техники нивеллировщики и пикетажисты. Оплата по соглашению. Обращаться лично с предъявлением документов: Вологда, пл. Свободы, д. № 5, телефон 7—71.

Партийный и заводский комитет завода „Северный коммунар" с прискорбием извещают о преждевременной смерти бывшего рабочего завода, члена ВКП(б) тов.

ЧЕРЕПОВА Ивана Петровича

Похороны состоятся 27 января, в 4 часа 30 мин., вынос тела с квартиры покойного, Транспортная, 38.

Уполном. Севоблита № 102. Заказ № 1 Тип. издат. газ. „Красный Север". Вологда, Урицкого, 2. Тираж 10.000 экз.